

Толстой вспоминаетъ о китайскомъ мыслителѣ Лаодзе. По его ученію, бѣдствія людей происходятъ въ меньшей степени отъ невыполненія того, что нужно, нежели отъ совершенія того, чего не слѣдовало бы дѣлать. Люди избавились бы отъ бѣдствій личныхъ и, особенно, общественныхъ, которыя, главнымъ образомъ, имѣеть въ виду Лаодзе, если бы соблюдали недѣланіе. Толстой раздѣляетъ этотъ взглядъ. Не слѣдуетъ поощрять, говорить онъ, биржевого игрока, банкира, фабриканта, подъ руководствомъ котораго тысячи людей губятъ жизнь надъ производствомъ зеркалъ, табаку, водки; не слѣдуетъ поощрять ихъ, хотя бы они работали очень усердно. Нужно сказать то же о людяхъ; которые трудятся для науки. Время и трудъ многихъ писателей не только пропали даромъ, но даже причинили вредъ. Онъ былъ двоякій: во-первыхъ, для приготовленія этихъ писаній тысячи другихъ людей производили бумагу, шрифтъ, набирали, печатали, кормили и одѣвали тружениковъ науки; во вторыхъ, эти сочинители продолжаютъ со спокойной совѣстью свое, никому не нужное, дѣло; а если бы они играли въ карты или горѣлки, то чувствовали бы свою вину передъ обществомъ.

Трудолюбіе не есть добродѣтель: трудъ составляетъ потребность; если человѣкъ не можетъ удовлетворить ее, то испытываетъ страданіе. А въ нашемъ, ложно организованномъ, обществѣ трудъ уподобляется куренію и пьянству, ибо помогаетъ людямъ забывать о порочности жизни. Если бы у людей нашего времени не было отговорки, ссылки на постоянный трудъ, который поглощаетъ ихъ всецѣло, то они не могли бы жить такъ, какъ живутъ.

Толстой настолько сочувствуетъ Дюма, что считаетъ его слова пророчествомъ: эти слова противоположны всеобщему настроенію людей, среди которыхъ раздаются; люди, слышавшіе ихъ, соглашались съ ними, хотя и не знаютъ, почему; и наконецъ, подобно пророчеству, предсказаніе Дюма способствуетъ осуществленію того, что предсказываетъ. Можно оспаривать, говорить Толстой, близость переворота, котораго ожидаетъ Дюма; можно сомнѣваться въ возможности безумнаго увлеченія людей любовью другъ къ другу. Но не можетъ быть спора о томъ, что, случись это, человѣчество избавилось бы отъ большей части бѣдствій, которыя удручаютъ его.

Великія переменны въ жизни одного человѣка или всего человѣчества начинаются и совершаются только въ мысли. Пока